ЛИПА

КНИГА ПЕРВАЯ

роман

УЛЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА ЛУЦЕНКО

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Ульяна Луценко

Липа. Книга первая

«Автор»
2026

Луценко У.

Липа. Книга первая / У. Луценко — «Автор», 2026

В Липихе, затерянной среди уральских лесов, исчезает семилетняя Маша Клюева. Поиски ничего не дают, а показания тех, кто видел девочку последним, не складываются в обычное милицейское дело.Участковый Сергей Гуляев и собиратель местных преданий Фёдор Мезенцев обнаруживают, что подобные исчезновения случались и раньше. Их разделяют десятилетия, но всякий раз рядом оказывается липа — и история, которую взрослые предпочли забыть.Чтобы вернуть Машу, её родителям придётся узнать, кого они впустили в свою жизнь, срубив старое дерево. А жителям Липихи — решить, сколько ещё можно молчать о пропавших детях.

© Луценко У., 2026
© Автор, 2026

Ульяна Луценко
Липа. Книга первая

УЛЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА ЛУЦЕНКО
ЛИПА
Книга первая
роман

Чердынь — Липиха
1993–2009

— Не бойся, — сказала она.
— Я не боюсь, — сказала девочка. — Я просто не хочу.
Из записей Ф. И. Мезенцева,

сделанных в Чердынском районе в 1968–1996 гг.

От составителя
Все персонажи вымышлены, все совпадения случайны.

ПРОЛОГ

В глубине уральского леса, там, где редко ступала нога человека, жил краснодеревщик по имени Пётр. Он был известен своими искусными изделиями из дерева и славился на всю округу — от Чердыни до Ныроба. Пётр любил бродить по лесу в поисках необычных стволов и веток, которые потом превращал в удивительные вещи.

Дело было в конце сентября, в субботу. Уже с утра небо висело низко и ровно, как мокрая простыня, и лес стоял притихший, будто ждал, когда его начнут топить дожди. Пётр ходил по делянке, трогал ладонью стволы — не всякое дерево отзовётся, не всякое захочет стать чем-то ещё, — и почти уже повернул назад, к машине, когда увидел её.

Липу.

Она стояла не в чаще, а на маленькой поляне, куда не дотягивались ни ель, ни пихта; стояла так, будто её поставили сюда отдельно, для себя. Ствол был обхватов в пять, но не круглый, а будто собранный из нескольких стволов, что срослись в молодости и так и остались вместе: один вперёд, другой в сторону, третий — будто бы рукой, приподнятой над головой. В развилке на высоте двух метров было дупло, узкое, длинное, чуть скошенное, и в нём темнело так плотно, будто там кончался не свет, а вообще всё.

Пётр постоял, подумал, обошёл её кругом. Кора на южной стороне была гладкая, тёплая, точно кожа на ладони ребёнка, и почему-то пахла не липой, а тёплым хлебом. И ещё: иголка. В самой развилке, вросшая в дерево по самую головку, торчала ржавая швейная игла, и вокруг неё древесина наросла валиком, как рубец.

— Ну и дура, — сказал Петька вслух. — Кто ж тебя так.

Он сделал шаг и понял, что стоит уже не один. Нет — никого не было, лес стоял пустой и глухой, но между лопатками появилось то самое, что бывает, когда в спину смотрят из окна: свербящее, тёплое, чужое. Пётр обернулся. Никого. Посмотрел в дупло. В дупле — темнота и слабый, едкий, сладковатый запах, как от старого варенья.

Он вообще-то был не из пугливых. Пил он мало, в церковь ходил два раза в год, в леших не верил с восьмого класса, а в чертей — с армии. Но здесь, на поляне, у него в голове сама

собой, без спроса, сложилась мысль, очень простая и очень чёткая: сруби её — и будет тебе дочка.

Не «сделаешь дочке подарок». А именно: будет тебе дочка.

Пётр потом много раз вспоминал эту минуту и думал: вот же оно, вот здесь надо было развернуться и уехать. Уехать, пока не остыл, пока не взял в руки пилу. Но он был краснодеревщиком, а не пророком, и неделю назад у него сорвался заказ на кухонный гарнитур, который он делал два месяца и не получил ни копейки, потому что «фирма» из Перми растворилась вместе с деньгами. Ему нужна была работа. Дерево было хорошее. А всё, что было дальше, казалось тогда ещё таким далёким.

Он вернулся домой с тяжеленным, кряжистым отрубком, обернутым в мешковину, и весь вечер пил чай, а отрубок лежал в сенях и почему-то не остывал.

— Ты чего такой? — спросила Настя, грея руки о кружку. — Нашёл что?

— Нашёл, — сказал Пётр. — Липу. Хочу Машке куклу сделать. Настоящую, со шкатулкой внутри. Не то что китайскую хрень пластмассовую.

Настя улыбнулась:

— Ты ей лучше санки сделай. Зима на носу.

— Санки успеются, — сказал Пётр и пошёл в сарай.

Он работал девять дней. Пилил, вымачивал, сушил над печкой, потом осторожно, по слою, снимал всё лишнее, пока из полена не проступило то, что он будто бы давно знал и только теперь добрался. Личико, тело, руки, ноги — всё выходило мелкое, аккуратное, живое. Настя шила наряды из лоскутов от старых ситцевых платьев и платков, а ночью, когда все спали, зачем-то пришила к подолу три медные пуговицы, хоть пуговицы и не просились.

Кукла вышла на загляденье — словно живая.

И была в ней одна странность, о которой Пётр никому не сказал. Где-то на третий день, когда он вырезал лицо, резак сам дважды прошёл не туда, и глаза получились не круглые, а чуть продолговатые, с тяжёлыми веками. Пётр хотел переделать — да посмотрел и не стал. Потому что глаза были правильные. Они смотрели так, как смотрит человек, который давно ждёт и уже устал от этого.

Он подарил куклу Машеньке двадцать шестого сентября.

Девочка вцепилась в неё так, что у неё побелели пальцы, и весь день не отпускала. Она с ней ела, с ней спала, с ней ходила в уборную на улице, чем вызывала у Насти приступ тихого смеха и у Петра — смутную, неясную тревогу. Кукла всё время была тёплая. Даже утром, когда печка давно остыла и в избе стоял тот особенный, собачий холод осеннего дома, — кукла была тёплая, как только что умытый ребёнок.

— Настя, — сказал Пётр на ночь. — Ты её трогала? Ну, куклу?

— С ума сошёл? Это Манькина.

— Ничего… Мне кажется, она… — он не нашёл слова. — Тёплая.

— В избе топлено было.

— Да. Наверное.

Он погасил свет. Настя полежала, послушала, как дочь ворочается, и сказала в темноту:

— Петь.

— М?

— Не надо было из этой липы.

— Да ладно тебе, — сказал Пётр. — Липа — дерево мягкое. Доброе. Из неё раньше ложки всем селом резали, чтобы не было во рту горько.

— НУ пускай, — сказала Настя и повернулась к стене.

Больше они об этом не говорили.

А двадцать седьмого сентября, в понедельник, Пётр уехал в Чердынь — надо было отвезти в райпо два десятка резных подставок под горячее и заодно получить расчёт за прошлый месяц, который уже второй раз обещали вот-вот выдать.

Настя осталась с Машей.

Был тихий, ясный день, из тех, что бывают на Урале в конце сентября, когда каждое дерево уже отдало листву и стоит прозрачное, честное, нищее. Настя выносила во двор кастрюли, и в кастрюлях стояла вода с колодезным холодом; она собиралась варить варенье из последней, поздней, антоновки. Из окна было видно, как Маша на крыльце играет с куклой.

Сначала всё было как всегда.

Потом стало иначе.

Настя как раз вылила воду из большой кастрюли, выпрямилась, потёрла поясницу — и заметила, что они не разговаривают. То есть Маша всегда говорила, когда играла: за себя, за куклу, за первую, за вторую, за всех. А тут было тихо, и тишина эта была не как у ребёнка, увлечённого игрой, а как в очереди в поликлинике: все сидят в ожидании, и никто ничего не делает.

Кукла двигалась.

Настя замерла с кастрюлей в руках. Пять метров, не больше. Она видела совершенно ясно: деревянная ручка медленно, с хрустом, поднялась, качнулась в воздухе — и опустилась. И Маша, которая сидела напротив, подняла свою руку и медленно, точно повторяя, опустила её тоже. Потом кукла склонила голову набок. Маша склонила голову набок. Кукла подняла плечо. Маша подняла плечо.

— Машенька, — сказала Настя, и голос из неё вышел не своим. — Маша, иди сюда!

Девочка не повернулась.

Настя пошла через двор, и ей казалось, что двор стал длиннее, что она идёт, как в воде, что колодец, который всегда был справа, сейчас почему-то слева. Подошла, села на корточки, взяла дочь за плечи.

Маша смотрела перед собой. Глаза были открыты, но смотрели в никуда. Она улыбалась. Она улыбалась так, как улыбаются дети, которым снится что-то хорошее, и Настя, мать, фельдшер, человек, который за пять лет работы в участковой больнице видел всякое, — эта Настя почувствовала, как у неё холодеет затылок.

— Машенька, что с тобой?

Девочка не отвечала.

И в этот момент кукла заговорила.

Не так, как говорят куклы, — не мультяшным голосом и не звуковым модулем. Голос был ровный, невысокий, женский, в нём слышалась усталость взрослой женщины, которая слишком долго ждала на вокзале:

— Не бойся, мама.

Настя отпрянула и, отпрянув, упала на пятую точку, с размаху, больно, но не почувствовала.

— Я здесь, чтобы помочь тебе.

Кукла не шевелила губами. У неё вообще не было такого механизма; Пётр такого не предусмотрел. Она стояла в двух шагах от Маши и смотрела на Настю тяжёлыми, продолговатыми, терпеливыми глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.